

ФОНД ЛИБЕРАЛЬНАЯ МИССИЯ

КОРОНАКРИЗИС—2020: ЧТО БУДЕТ И ЧТО ДЕЛАТЬ?

СЦЕНАРИИ РАЗВИТИЯ И МЕРЫ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

АНАЛИТИЧЕСКИЙ ДОКЛАД

КОРОНАКРИЗИС — 2020: ЧТО БУДЕТ И ЧТО ДЕЛАТЬ?

СЦЕНАРИИ РАЗВИТИЯ И МЕРЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Либеральная миссия — Экспертиза

Выпуск 9

Наталья Акиндинова, Сергей Алексашенко, Олег Вьюгин,
Владимир Гимпельсон, Евсей Гурвич, Сергей Гуриев,
Владислав Иноземцев, Константин Сонин

Под редакцией Кирилла Рогова

УДК 323/324(470+571):342(06)
ББК 66.3(2Рос),1я4+67.0я4
К-63

К-63 Коронакризис — 2020: что будет и что делать? Сценарии развития и меры экономической политики / под ред. К. Рогова. — Москва : Либеральная миссия, 2020. — 45 с.

ISBN 978-5-903135-72-1

Группа российских экономистов: Наталья Акиндинова (директор Центра развития НИУ ВШЭ), Сергей Алекшашенко (бывший заместитель председателя Банка России, член Совета Фонда Бориса Немцова), Олег Вьюгин (профессор НИУ ВШЭ, бывший замминистра финансов), Владимир Гимпельсон (директор Центра трудовых исследований НИУ ВШЭ), Евсей Гурвич (руководитель Экономической экспертной группы), Сергей Гуриев (профессор экономики Sciences Po, Париж), Владислав Иноземцев (директор Центра исследований постиндустриального общества) и Константин Сонин (профессор Чикагского университета и НИУ ВШЭ) в рамках организованного фондом «Либеральная миссия» мозгового штурма оценили вероятные масштабы экономического кризиса, вызванного эпидемией коронавируса, и возможные пути противодействия ему и поддержки экономики.

Они призвали правительство не готовиться к прошлой войне: меры экономической политики, использовавшиеся для борьбы с предыдущими кризисами, могут оказаться в данном случае не только бесполезными, но и вредными.

УДК 323/324(470+571):342(06)
ББК 66.3(2Рос),1я4+67.0я4

ISBN 978-5-903135-72-1

© Фонд «Либеральная миссия», 2020

СЕРИЯ «ЛИБЕРАЛЬНАЯ МИССИЯ — ЭКСПЕРТИЗА»

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ В 2011–2013 ГГ. КРИЗИС И ТРАНСФОРМАЦИЯ РОССИЙСКОГО АВТОРИТАРИЗМА. ВЫП. 1 / ПОД РЕД. К. РОГОВА. — Москва : Либеральная миссия, 2014. — 69 с.

СЕМЬ ТОЩИХ ЛЕТ: РОССИЙСКАЯ ЭКОНОМИКА НА ПОРОГЕ СТРУКТУРНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ: МАТЕРИАЛЫ КРУГЛОГО СТОЛА. ВЫП. 2 / ПОД РЕД. К. РОГОВА. — Москва : Либеральная миссия, 2016. — 68 с.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ 2014–2016: ИНСТИТУТЫ И ПРАКТИКИ АВТОРИТАРНОЙ КОНСОЛИДАЦИИ. ВЫП. 3. / ПОД РЕД. К. РОГОВА. — Москва : Либеральная миссия, 2016. — 218 с.

СТРЕСС-ТЕСТ НА ПОЛ-РОССИИ. ТЕХНОЛОГИИ ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО ДОМИНИРОВАНИЯ И ИХ ОГРАНИЧЕНИЯ: АНАЛИЗ РЕГИОНАЛЬНЫХ ВЫБОРОВ 2018 Г. ВЫП. 4 / ПОД РЕД. К. РОГОВА. — Москва : Либеральная миссия, 2018. — 60 с.

КРЕПОСТЬ ВРАСТАЕТ В ЗЕМЛЮ. ГОД ПОСЛЕ ВЫБОРОВ: СТРАТЕГИИ, ВЫЗОВЫ, ТРЕНДЫ. ВЫП. 5 / ПОД РЕД. К. РОГОВА. — Москва : Либеральная миссия, 2019. — 57 с.

ЦАРЬ ГОРЫ: НЕДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ ТРАНСФЕР ВЛАСТИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ. ВЫП. 6. / ПОД РЕД. К. РОГОВА. — Москва : Либеральная миссия, 2019. — 44 с.

ВСТРЕЧНАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ. МОСКОВСКИЕ ПРОТЕСТЫ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ВЫБОРЫ — 2019. АНАЛИТИЧЕСКИЙ ДОКЛАД. ВЫП. 7 / ПОД РЕД. К. РОГОВА. — Москва : Либеральная миссия, 2019. — 110 с.

ДЕКОНСТРУКЦИЯ КОНСТИТУЦИИ : ЧТО НУЖНО И ЧТО НЕ НУЖНО МЕНЯТЬ В РОССИЙСКОМ ОСНОВНОМ ЗАКОНЕ. ВЫП. 8 / ПОД РЕД. К. РОГОВА. — Москва : Либеральная миссия, 2020. — 80 с.

КОРОНАКРИЗИС — 2020: ЧТО БУДЕТ И ЧТО ДЕЛАТЬ? СЦЕНАРИИ РАЗВИТИЯ И МЕРЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ. ВЫП. 9 / ПОД РЕД. К. РОГОВА. — Москва : Либеральная миссия, 2020. — 45 с.

СОДЕРЖАНИЕ

ВЫЗОВЫ КОРОНАКРИЗИСА И НЕОБХОДИМЫЕ МЕРЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ	5
ПРЕДЫДУЩИЙ ОПЫТ ПРАВИТЕЛЬСТВА В БОРЬБЕ С КРИЗИСАМИ МОЖЕТ ОКАЗАТЬСЯ БЕСПОЛЕЗНЫМ ИЛИ ДАЖЕ ВРЕДНЫМ	5
ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ КОРОНАКРИЗИСА В РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКЕ И ПРЕДПОЧТИТЕЛЬНЫЕ МЕРЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЕМУ. ПОЗИЦИИ И АРГУМЕНТЫ	12
<i>Наталья Акиндинова.</i> «ОДНИМ ИЗ ЭФФЕКТОВ КРИЗИСА В СЛУЧАЕ НЕДОСТАТОЧНЫХ МЕР СТАНЕТ НОВАЯ ВОЛНА "ТЕНЕВИЗАЦИИ" ЭКОНОМИКИ»	12
<i>Сергей Алексашенко.</i> «СЕЙЧАС СЛЕДУЕТ ОГРАНИЧИТЬСЯ КРАТКОСРОЧНЫМИ РЕШЕНИЯМИ НА 8–10 НЕДЕЛЬ, ЧТОБЫ ПО МЕРЕ РАЗВИТИЯ СИТУАЦИИ ОБСУЖДАТЬ ВОЗНИКАЮЩИЕ ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ»	18
<i>Олег Вьюгин.</i> «ЭТО ТАКАЯ ЦИНИЧНАЯ ПОЗИЦИЯ: МАЛЫЙ БИЗНЕС, САМОЗАНЯТЫЕ, ИПЭШНИКИ ПОЯВИЛИСЬ НИОТКУДА, УЙДУТ В НИКУДА, НО ТАКЖЕ И ВЕРНУТСЯ ОТТУДА»	21
<i>Владимир Гимпельсон.</i> СЪЕСТ ЛИ ВИРУС РЫНОК ТРУДА?	24
<i>Евсей Гурвич.</i> ПЯТЬ ШОКОВ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ	29
<i>Сергей Гуриев.</i> «КРАЙНЕ ВАЖНО СКАЗАТЬ О ТОМ, ЧЕГО ДЕЛАТЬ НЕ СЛЕДУЕТ»	34
<i>Владислав Иноземцев.</i> «МАССИРОВАННАЯ ПОМОЩЬ ГРАЖДАНАМ И БИЗНЕСУ ДОЛЖНА "КУПИТЬ" НЕ ТОЛЬКО МЕНЬШИЙ ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ СПАД, НО И СВОЕГО РОДА КОНСТРУКТИВНЫЙ "ПОСТКРИЗИСНЫЙ КОНСЕНСУС"»	37
<i>Константин Сонин.</i> «РОССИЙСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО КРИЗИС ЗАСТАЛ ВРАСПЛОХ, И ПЕРВАЯ РЕАКЦИЯ БЫЛА ЗАМЕДЛЕННОЙ»	43

ВЫЗОВЫ КОРОНАКРИЗИСА И НЕОБХОДИМЫЕ МЕРЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

ПРЕДЫДУЩИЙ ОПЫТ ПРАВИТЕЛЬСТВА В БОРЬБЕ С КРИЗИСАМИ МОЖЕТ ОКАЗАТЬСЯ БЕСПОЛЕЗНЫМ ИЛИ ДАЖЕ ВРЕДНЫМ

Российская экономика столкнулась сегодня, вероятно, с самым серьезным вызовом за последние 20 лет и перспективой кризиса, который может превысить масштабы кризисов 1998, 2008–2009 и 2014–2015 годов. Этот кризис спровоцирован беспрецедентными мерами борьбы с пандемией, предпринимаемыми правительствами всего мира, с одной стороны, и резкими изменениями конъюнктуры нефтяных рынков, ведущими к значительному сокращению доходов российской экономики и бюджета, — с другой. Этот двойной вызов делает российскую экономику более уязвимой к кризису, чем экономики других стран.

На сегодняшний день ситуация усугубляется высокой неопределенностью в отношении дальнейшего развития событий на обоих направлениях — и в отношении длительности мер карантина, принудительно ограничивающих экономическую и потребительскую активность населения, и в отношении периода критического сжатия спроса на сырьевых рынках и новых ценовых равновесий, которые сложатся на выходе из него. Неясны и собственно масштабы и характер влияния подобного искусственного ограничения экономической активности на разные секторы экономики. Эта тройная неопределенность повышает сложность выработки стратегии противостояния экономическому кризису в России.

Вместе с тем уже сегодня ясно, что даже в относительно оптимистических сценариях мировая экономика в этом году окажется на нулевой отметке роста или уйдет в небольшую рецессию, а в пессимистическом — будет переживать спад до 3% и более. Соответствующая вилка для российской экономики, исходя из сегодняшних, крайне предварительных оценок, может составлять от 3,5 до 9% сокращения ВВП (см. сводку прогнозов ниже).

Меры правительств по борьбе с пандемией носят для граждан и бизнеса принудительный характер и ведут к резкому сжатию спроса, сворачиванию значительной части сектора услуг и практически полному параличу некото-

рых отраслей (пассажирские перевозки, туризм, гостиничный, ресторанный, досуговый бизнесы). Резкое сжатие спроса оказывает прямое или опосредованное влияние практически на всю экономику. Катастрофический удар ограничительные меры правительств наносят по малому и среднему бизнесу, подрывая его инфраструктуру; неплатежеспособность этого сектора, в свою очередь, ведет к сокращению бюджетных поступлений и провоцирует кризис в секторе финансовом.

Поэтому правительства большинства стран принимают широкие программы поддержки экономики в надежде, что это позволит предотвратить переход рецессии в депрессию и обеспечит V-образное ее течение. Программы поддержки включают в себя, как правило, фискальные меры (снижающие фактическое налоговое бремя), замещение выпадающих бюджетных доходов, поддержку финансовой системы для поддержания доступности кредитования, прямые бюджетные выплаты компаниям и населению для поддержания занятости и платежеспособного спроса. В развитых странах программы поддержки достигают объема, равного 10–15% ВВП страны. Развивающиеся страны со средним уровнем дохода оказывают, как правило, гораздо более скромную поддержку экономике. Однако размеры поддержки очень разнятся на данный момент не только в связи с экономическими возможностями стран, но и в зависимости от уже введенных вследствие масштабов эпидемии ограничительных мер, поэтому их прямое формальное сравнение бессмысленно.

Антикризисные меры, объявленные российским правительством на данный момент и составляющие в общем объеме около 2,5% ВВП (без учета средств для компенсации выпадающих нефтегазовых доходов), мы считаем недостаточными, а стремление переложить на частный бизнес издержки, связанные с принудительным карантином, — недальновидными. Прежде всего следует иметь в виду, что и характер данного кризиса, и изменения в структуре российской экономики делают невозможным его прохождение в тех сценариях, которые использовались прежде, например, в ходе кризиса 2008–2009 годов. Поэтому правительству не стоит «готовиться к предыдущей войне». В отличие от прежних кризисов, причиной которых становились сокращение нефтегазовых доходов и отток капитала, причиной нынешнего являются принудительное сокращение экономической активности компаний и потребительской активности населения. Это вызывает резкое сокращение спроса и падение доходов населения, которое затрагивает прежде всего сферу услуг, вес которой в экономике России быстро увеличивался в последнее десятилетие и в которой сосредоточена большая часть компаний малого и среднего бизнеса. Именно эти секторы будут прежде всего нуждаться в помощи, однако механизмы их поддержки, в отличие от механизмов поддержки крупных предприятий и реального сектора, незнаком российскому правительству, не разработан и организационно плохо обеспечен.

Кроме того, в связи с двойным ударом — принудительный карантин и резкое сокращение сырьевых доходов — российскому правительству, в отличие от многих других правительств, придется решать тройную задачу: замещение выпадающих нефтегазовых бюджетных доходов, выпадающих ненфтегазовых доходов и прямая поддержка экономики. В связи с двойной неопределенностью, о которой говорилось выше, правительство стоит перед особенно сложным выбором. Значительные средства в размере около 9% ВВП, сосредоточенные в Фонде национального благосостояния, могут понадобиться в случае затяжного локдауна и/или затяжного периода низких цен на нефть, т.е. шокового, наиболее пессимистического сценария, предполагающего, что те или иные существенные карантинные ограничения растянутся за пределы 2–3-месячного периода (а это, в свою очередь, ухудшит перспективы восстановления спроса на энергоносители).

Вместе с тем непредоставление достаточной помощи экономике в острой фазе — в период принудительного карантина — чревато широкими социальными и экономическими последствиями: разрушением инфраструктуры малого и среднего бизнеса, слишком резким сокращением платежеспособного спроса. В этом случае будет запущен механизм экономической депрессии, который, помимо прочих социальных последствий (рост безработицы и бедности, сокращение доходов граждан), обернется также новыми выпадающими доходами бюджета. В случае, если за время карантина исчезновение бизнесов приобретет массовый характер, будет потерян человеческий и физический капитал, надежды на быстрое восстановление окажутся несбыточными, а сценарий затяжного L-образного кризиса — неизбежным. Именно этот сектор, учитывая также самозанятых и индивидуальных предпринимателей, в большой степени способствовал сокращению бедности в России в последние десять лет, и ее возвращение станет тяжелым социальным уроном для всего общества. Роль сектора услуг, который в большой мере обслуживается предприятиями малого и среднего бизнеса, в российской экономике сегодня такова, что ресурсов бюджетного сектора не хватит для того, чтобы «вытянуть» экономику из ямы (тем более, что восстановление нефтяных цен с высокой вероятностью произойдет на более низких уровнях).

Явно недостаточные меры поддержки, объявленные до сегодняшнего дня правительством, повышают вероятность именно такого развития событий. Правительство упускает время и дает бизнесу неверный сигнал: тот факт, что бизнес не получает подтверждений готовности правительства разделить с ним бремя вынужденного простоя, как представляется, не повышает, а снижает готовность бизнеса задействовать собственные резервы, потому что в предложенном сценарии их все равно у огромного числа компаний не хватит для выживания.

Представленный в настоящем брифинг-докладе набор мнений и предложений российских экономистов относительно необходимых мер антикризисной

политики демонстрирует как достаточно широкое поле согласия, так и зону дискуссии. Представить общественности как первое, так и второе сегодня представляется исключительно важным, потому что, подчеркнем еще раз, ни в мире, ни в России правительства не сталкивались прежде с такого рода кризисами и не имеют ни опыта, ни проверенных рецептов борьбы с ними.

Итак, прежде всего: **все участники обсуждения считают необходимым существенное расширение поддержки, предоставляемой экономике и, в особенности, малому и среднему бизнесу и населению. В консервативном варианте меры поддержки должны быть увеличены до объема 4% ВВП (около 4,5 трлн руб.),** включая сюда как фискальные меры, так и меры прямой поддержки (но без учета средств, необходимых для компенсации выпадающих нефтегазовых доходов). Часть участников дискуссии высказываются в пользу объема поддержки, равной 5–6% ВВП, а в более радикальном варианте предлагается довести ее до уровня 9–10%, как это характерно для развитых и некоторых развивающихся стран.

Большинство участников обсуждения согласны, что бюджетное правило должно быть скорректировано в имеющихся обстоятельствах. Однако одни считают, что корректировка бюджетного правила должна позволять замещать из средств Фонда национального благосостояния выпадающие не только нефтегазовые, но и ненефтегазовые доходы; сторонники такого подхода сходятся в том, что в этом году может быть потрачена примерно половина Фонда (4% ВВП), а вторая часть должна быть сохранена на случай шокового сценария развития кризиса и восполнения выпадающих бюджетных доходов следующих двух лет. Более радикальные предложения допускают использование средств ФНБ также для прямой поддержки населения.

Все участники обсуждения солидарны в том, что при помощи средств ФНБ невозможно справиться с кризисом, и российской экономике понадобится программа количественного смягчения, т.е. внутренний долг должен быть увеличен, однако так как выкуп обязательств правительства рынком в настоящий момент нереален, эти обязательства должны быть выкуплены Банком России. Фактически речь идет об эмиссионном механизме, однако в условиях шокового сжатия спроса это не приведет к всплеску инфляции. Вместе с тем крайне важно следить за целями расходования этих средств. В консервативном сценарии объем смягчения должен составлять 1,5–2% ВВП, более решительное предложение — около 3%, а в радикальном сценарии — до 6%.

Все участники дискуссии абсолютно согласны, что есть два главных направления поддержки экономики: поддержка населения, т.е. поддержка платежеспособного спроса, и поддержка малого и среднего бизнеса, включая самозанятых и индивидуальных предпринимателей. Подчеркнем, что эти два направления поддержки имеют важный политический аспект: ограничения экономической активности являются принудительными,

а это значит, что государство должно брать на себя ответственность за его издержки, в противном случае доверие к государству, итак весьма ограниченное, будет в еще большей степени подорвано. Нельзя не отметить и того факта, что принудительные «каникулы» оплачиваются для работников бюджетной сферы из бюджета, а работники внебюджетной сферы, которые также платят налоги в бюджет, пока не получают из него никакой компенсации за вынужденный простой.

В отношении поддержки малого и среднего бизнеса многие участники обсуждения сошлись во мнении, что **сегодня меры поддержки в основном подразумевают отсрочки и кредиты по обязательным платежам, однако и через полгода, когда режим отсрочек кончится, большинство компаний будет неспособно расплатиться по этим обязательствам** с учетом 1–2 месяцев вынужденного простоя и отсутствия выручки в этом периоде (даже если они будут растянуты на следующие полгода). **Бюджет должен взять на себя эти издержки, если компания выполнит ряд условий (сохранит в основном занятость и возобновит экономическую деятельность сразу после окончания карантина)**. Логика состоит в том, что для многих компаний просто не имеет смысла пытаться сохранить себя, имея в перспективе полгода еще один финансовый шок, связанный с отсроченными выплатами.

Более радикальные предложения исходят из того, что **значительная часть малого и среднего бизнеса просто не способна сохранить занятость в ситуации вынужденного простоя, а, значит, правительству придется либо субсидировать эти зарплаты (разумеется, не в полном объеме), либо выплачивать эти деньги в качестве максимально «упрощенного» пособия по безработице** («временной субсидии из-за потери дохода вследствие вынужденной самоизоляции»), либо противостоять негативным социальным и экономическим последствиям иного рода.

Наконец, еще одним принципиальным вопросом стратегии борьбы с экономическим коронакризисом является идея прямой поддержки населения и его платежеспособности на выходе из режима карантина. От этого в значительной степени зависит, сможет ли экономика быстро восстанавливаться или последствия «травмы доходов» растянутся длинным шлейфом. И если такая поддержка нужна, то как и кому ее необходимо доставить? **Некоторые участники нашего обсуждения предлагают произвести доплаты пенсионерам и выдать всем семьям субсидии на оплату ЖКХ**. Более радикальная позиция предполагает **тотальные или ограниченные по некоторым критериям, но «ковровые» не заявительные выплаты по модели временного «безусловного дохода**». В частности, такие выплаты могут быть ограничены теми, кто не получает заработную плату из бюджета и чей доход не превышал в прошлом году 1–1,5 млн рублей.

Логика здесь, с одной стороны, состоит в том, что особенности российского рынка труда и системы социальной защиты вообще не предполагают сколько-

нибудь эффективного механизма поддержки временно потерявших работу. И экстренно исправить этот недостаток в текущих обстоятельствах шока занятости не представляется возможным. Поэтому лучше раздать деньги даже тем, кто мог бы без них обойтись, чем столкнуться с (как минимум) двукратным ростом реально не имеющих работы, да еще в ситуации, когда обычные механизмы «смягчения» проблемы (разного рода неформальные приработки) также блокированы. Наконец, поддержание платежеспособности населения в момент выхода из карантина является важнейшим фактором быстрого отскока экономики. Но посильность затрат на такого рода меры на фоне выпадающих нефтегазовых и ненефтегазовых доходов бюджета и механизмы «доставки» такой помощи остаются предметом дискуссии.

Участники обсуждения также высказывались в пользу сдержанности в поддержке крупных предприятий и рекомендовали использовать в этом случае преимущественно кредитные механизмы. Ориентируясь на их значительный вклад в экономику и высокую занятость, правительство склонно оказывать им широкую поддержку, однако в логике развития нынешнего кризиса такая стратегия окажется, скорее всего, ошибочной. Такие компании имеют обычно определенные резервы и возможность обслуживать и реструктуризировать свои долги, в то же время предоставление им слишком широкой поддержки ограничит возможности правительства в поддержке малого и среднего бизнеса, самозанятых и индивидуальных предпринимателей. Как пишет один из участников дискуссии, если по окончании карантина удастся быстро перезапустить малый и средний бизнес, то восстановится спрос на продукцию и услуги крупных компаний, а вот трансмиссия стимулов в обратную сторону выглядит маловероятной.

Так или иначе, программу поддержки экономики необходимо расширять, фокусировать на поддержке наиболее страдающих от принудительных карантинных мер секторов и срочно объявлять о таком расширении. Речь идет о том, возникает в кризисной ситуации доверие между гражданами и правительством или поведение правительства воспринимается населением как очередная попытка спихнуть проблемы на граждан, сохранив за счет них свою денежную «кубышку». Второй важнейший вопрос, который ставит экономический кризис, вызванный пандемией, состоит в определении того веса, который имеет в экономике сектор услуг, обслуживаемый малыми и средними компаниями, индивидуальными предпринимателями и самозанятыми. Стоит ли по-прежнему воспринимать этот сектор как некое «кустарное» приложение к бюджетному сектору, миру больших корпораций и госкомпаний, или именно он является кровеносной системой экономики, а его кризис утянет ее вниз как привязанный к ноге камень?

Таблица. Прогнозы масштабов коронакризиса

Консенсус-прогноз авторов									
	Оптимистический			Умеренный			Пессимистический		
	H1-2020	2020	2021	H1-2020	2020	2021	H1-2020	2020	2021
Нефть (\$/bbl)	31	40	49	24	31	42	19	24	31
Мировая экономика, рост (%)	-0,9	0,7	3,4	-2,2	-1,9	2,7	-3,7	-3,7	1,6
Российская экономика, рост (%)	-4,2	-3,7	2,3	-5,3	-5,7	1,3	-7,5	-8,6	-0,6
Другие прогнозы масштабов коронакризиса в российской экономике									
ЦМАКП		0,5	1,6		-3,2	-0,9		-6,9	-2,0
Опрос Центра развития					-2,0	2,3			
Всемирный банк		-1,0	1,6		-2,2				
McKinsy		-3,8						-10	
Институт ВЭБ.РФ		-2,1			-3,8	4,8		-5,1	

Наталья Акиндинова,

директор Центра развития НИУ ВШЭ

«ОДНИМ ИЗ ЭФФЕКТОВ КРИЗИСА В СЛУЧАЕ НЕДОСТАТОЧНЫХ МЕР СТАНЕТ НОВАЯ ВОЛНА "ТЕНЕВИЗАЦИИ" ЭКОНОМИКИ»

СЦЕНАРИИ

Масштабы снижения российского ВВП в 2020 году могут составить:

- 4–5% в базовом сценарии, предполагающем подавление вспышки коронавируса и отмену ограничений для экономической деятельности в течение второго квартала, а также то, что достижение в апреле договоренности о сокращении нефтедобычи в рамках ОПЕК+ приведет к восстановлению цен на нефть Urals до уровней 40–45долл./барр.;
- 6% и более в пессимистическом сценарии, предполагающем что ограничения в связи с пандемией (либо в случае ее второй волны) будут в том или ином виде сохраняться до осени, при этом сохранение низкого спроса на нефть в мире и давление ее избыточных запасов будут препятствовать восстановлению цены Urals выше 30 долл./барр. В этом случае спад в российской экономике может продолжиться и в 2021 году.

На динамике и структуре производства ВВП отражается в первую очередь резкий спад спроса на услуги в сфере туризма, культурно-досуговых мероприятий и связанных сферах, и закрытие этих предприятий на время локдауна (гостиницы, рестораны и кафе, розничная торговля, персональные услуги, музеи, театры, организации дополнительного образования, физкультуры и спорта и т.д.), а также сокращение пассажирских (как внешних, так и внутренних) и грузовых перевозок. Кроме того подорожание и срыв поставок импорта из-за рубежа, ограничение поставок по России и общее снижение спроса ведут к разрыву производственных цепочек и падению производства ряда промышленных отраслей. Несмотря на то, что часть торговли и услуг, как частных, так и государственных, переводится в дистанционные и цифровые формы, снижение физической доступности, также как и эффект снижения дохода, приведут к снижению их доли в структуре производства и к повышению удельного веса отраслей, удовлетворяющих первоочередные потребности — сельского хозяйства, производства пищевых продуктов, базовой инфраструктуры.

РИСКИ И МЕХАНИЗМЫ КРИЗИСА

В последние годы структура экономики в разрезе крупных компаний и малых и средних предприятий (МСП) была довольно консервативной, на отрасли с преимущественным вкладом МСП и самозанятых приходилось около трети создания добавленной стоимости. Поскольку их деятельность сосредоточена в отраслях, наиболее страдающих от локдауна и предшествующих ограничений, можно ожидать что к лету 2020 года доля малого и среднего бизнеса в структуре экономики снизится как минимум на 3–4 процентных пункта.

Одним из неочевидных эффектов кризиса, особенно в случае недостаточно стабилизационных мер, может стать новая волна «теневизации» экономики. На размер неформального сектора, с одной стороны, будет оказывать влияние общее снижение экономической активности малого и среднего бизнеса, ведь именно в этом секторе сосредоточены основные потоки серой зарплаты и занятости (до 50% ФОТ составляют неформальные схемы). По мере развития кризиса часть занятых перейдут в разряд безработных благодаря повышенному размеру пособий, предусмотренному антикризисным пакетом. Остальные будут искать возможности сохранения своей занятости, что скорее всего сохранит их в «серой зоне». Введение в виде антикризисной меры отсрочки по налогам (вместо полноценных налоговых каникул) будет провоцировать возврат в тень и уже обеленного бизнеса, если на момент окончания отсрочки их финансовое положение будет еще недостаточно прочным. Такой же эффект будет давать переключивание на бизнес обязательств по выплате зарплат и поддержанию занятости. Таким образом, по мере развития кризиса, в целом можно ожидать расширения доли серых схем.

В соответствии с принятым антикризисным планом Центральный банк дает кредитным организациям право не ухудшать оценку финансового состояния заемщиков и, соответственно, не создавать резервы на возможные потери на 6 месяцев до конца сентября 2020 года. Однако, поскольку отсрочка по уплате налогов для бизнеса согласно плану правительства предоставляется преимущественно на те же полгода, то предпринимателям через эти 6 месяцев предстоят существенные налоговые платежи, и возможности для обслуживания кредитов при этом не улучшатся, что приведет к усилению давления на банки. Если фискальные меры и послабления в банковском секторе не будут усилены и более точно эшелонированы во времени, то в четвертом квартале Россию настигнет волна банкротств (мораторий на которые распространяется на те же полгода).

С учетом этих процессов снижение реальных располагаемых доходов населения даже в базовом сценарии составит не менее 7% в 2020 году за счет опережающего снижения предпринимательского дохода, зарплат в малом бизнесе и у самозанятых. В меньшей степени сократятся доходы занятых на крупных и средних предприятиях; доходы в бюджетном секторе и у получателей социальных трансфертов пострадают меньше всего, хотя и будут подвержены инфляционному обесценению.

МЕРЫ ПОДДЕРЖКИ ЭКОНОМИКИ

Необходимость масштабной текущей поддержки бизнеса и населения объясняется тем, что ограничения в связи с пандемией коронавируса носят неэкономическую природу и затрагивают практически все предприятия определенных секторов независимо от их эффективности, из-за чего экономический ущерб при отсутствии интервенций может стать невосполнимым. По состоянию на начало апреля объявленный лимит бюджетной поддержки в рамках антикризисного пакета в России составлял 1,4% ВВП и предполагал в основном перераспределение расходов в рамках ранее утвержденных объемов, а не дополнительные расходы. При этом основной упор российские власти делают не на безвозмездную помощь предприятиям и населению, а на отсрочки выплат по налогам, кредитам и арендным платежам. Это существенно ниже объемов поддержки, заявленных США и европейскими странами, которые в некоторых случаях достигают 10–15% ВВП.

Представляется необходимым дополнить состав мер антикризисного пакета механизмами условного списания образовавшейся в период предоставления отсрочек задолженности по налоговым платежам, кредитам и арендной плате для удержавшихся на плаву предприятий, что по сути превратит эти отсрочки в каникулы. В первую очередь условием такого списания может стать сохранение не менее 70% эффективной занятости и возобновление деятельности предприятий — наличие существенных оборотов и возобновление текущих налоговых платежей до конца 2020 года и в 2021 году. Аналогичные механизмы списания долгов должны применяться по отношению к ИП и самозанятым. Нужно предусмотреть механизмы урегулирования возникающих при этом убытков кредиторов.

Стабилизационные механизмы в российской экономике (в частности, бюджетное правило), настроены на сглаживание эффектов от волатильности нефтяных цен и связанных с этим колебаний валютного курса и не предполагают компенсации за счет накопленных резервов кризисных последствий иного рода. Однако теперь мы сталкиваемся с ситуацией, когда ключевые риски несут сокращение налоговых баз и, соответственно, выпадающих нефтяных доходов федерального бюджета, а также региональных бюджетов и внебюджетных фондов. В зависимости от сценария такие выпадающие доходы могут составить от 2,5 до 4,0% ВВП. Объем выпадающих базовых нефтяных доходов, подлежащих компенсации из ФНБ, при этом составит 1,5% ВВП в пессимистическом сценарии (притом, что дополнительные нефтяные доходы выпадают полностью).

В этой ситуации нецелесообразным представляется последовательное соблюдение действующего бюджетного правила, позволяющего компенсировать из ФНБ лишь выпадающие нефтяные доходы. С учетом большой вероятности сценария, предполагающего разрушительные последствия для экономики карантинных ограничений на фоне сохранения в среднесрочной пер-

спективе низких цен на нефть, представляется необходимым использовать для купирования краткосрочных последствий кризиса около половины накопленных ликвидных ресурсов ФНБ (3–4% ВВП), сохранив оставшиеся ресурсы на последующие годы для сглаживания траектории бюджетных расходов одновременно с их реструктуризацией под цели поддержки восстановления экономики после спада.

Поскольку объемы выпадающих доходов и необходимых мер поддержки с учетом предлагаемых уточнений оказываются больше 3–4% ВВП, необходимо использовать другие источники финансирования. Расширение долгового финансирования бюджетного дефицита дает возможность для применения в российской экономике механизмов количественного смягчения (QE), когда Центральный банк покупает в свой портфель обращающиеся на рынке ОФЗ. Еще одним механизмом монетарной поддержки экономики может быть кредитное смягчение (CE) путем приобретения на вторичном рынке долговых ценных бумаг крупных компаний из секторов, наиболее пострадавших от коронавирусной инфекции, на баланс Банка России. Расширение возможностей долгового финансирования и снижение стоимости его привлечения ускорит стабилизацию рынка, но лишь в случае сохранения жесткого контроля над лимитами использования нетрадиционных инструментов денежной политики (по нашей оценке, в пределах 1,5–2% ВВП).

В отличие от малого бизнеса, не имеющего как правило существенных активов и накоплений, крупные предприятия нередко располагают накопленными в докризисный период остатками на счетах (тема избыточных ликвидных средств предприятий, не используемых для инвестиций или расширения деятельности из-за плохого инвестиционного климата, активно обсуждалась в последние годы). Теперь эти ресурсы (подобно бюджетным резервам) могут поддерживать устойчивость и возможность маневра для крупных предприятий, в том числе возможности обслуживания кредитов. Для таких предприятий (многие из которых вошли в список системообразующих) лучше отдавать предпочтение кредитным механизмам поддержки, сохраняя больше бюджетных ресурсов для поддержки наиболее пострадавших МСП и населения.

Сергей Алексашенко,

*бывший заместитель председателя Банка России,
член совета Фонда Бориса Немцова*

«СЕЙЧАС СЛЕДУЕТ ОГРАНИЧИТЬСЯ КРАТКОСРОЧНЫМИ РЕШЕНИЯМИ НА 8–10 НЕДЕЛЬ, ЧТОБЫ ПО МЕРЕ РАЗВИТИЯ СИТУАЦИИ ОБСУЖДАТЬ ВОЗНИКАЮЩИЕ ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ»

СЦЕНАРИИ: МЕЖДУ УМЕРЕННЫМ И ПЕССИМИСТИЧЕСКИМ

Россия, как и многие другие страны сталкивается с самым необычным экономическим кризисом, причины которого лежат не в пространстве экономической политики, и выход из него будет определяться не классическими мерами денежной или бюджетной политики или набором регуляторных изменений. Мировая экономика резко тормозит по мере развития пандемии, вызванной COVID-19, и под влиянием решений, ограничивающих экономическую деятельность компаний и привычную жизнедеятельность населения, которые вынуждены принимать власти отдельных стран, регионов и городов. Выход из кризиса и возвращение к нормальной экономической жизни будут возможны по мере преодоления эпидемии, что связано с успехами в функционировании систем здравоохранения, успехами фармацевтических компаний в создании успешно работающей противовирусной вакцины.

Сегодня видятся три возможные сценария среднесрочного развития ситуации, для каждого из которых нужен будет свой набор мер со стороны властей:

1. Оптимистический. К концу лета практически все страны добьются решительного прогресса в борьбе с эпидемией¹ и смогут взять ее под контроль (ежедневное количество новых заболевших будет крайне незначительно — не более 250–300 человек для России), используя ресурсы систем здравоохранения; ограничения на экономическую деятельность будут постепенно сниматься, и хотя какие-то элементы таких ограничений могут сохраняться в отдельных регионах, они не будут являться значимыми препятствиями для восстановления докризисной экономической активности. Для экономики это будет V-образный кризис, т.е. резкое падение и достаточно быстрое восстановление, хотя скорость его при любом сценарии будет меньше скорости падения.

1 Окончательная победа над эпидемией будет возможна после появления и массового производства эффективной антивирусной вакцины.

2. Умеренный. Установление контроля над эпидемией сдвигается на середину 2021 года, т.к. успехи в одних странах/регионах будут чередоваться с провалами в других. Хотя основные ограничения на экономическую активность будут постепенно сниматься, сохранение межрегиональных и межстрановых ограничений на движение товаров и населения будет заметно сдерживать скорость восстановления экономики. Для экономики это будет W-образный кризис.
3. Пессимистический. Установление контроля над эпидемией сдвигается за горизонт 2021 года. На протяжении всего периода в разных странах/регионах случаются вспышки эпидемии, что заставляет сохранять большое количество ограничений на экономическую активность и межстрановые/межрегиональные ограничительные меры; восстановление экономики идет крайне медленно и кризис приобретает L-образную форму.

Очевидно, что сегодня никто не может предсказать, по какому сценарию будет развиваться ситуация. Хотя постепенно развитые страны демонстрируют способность ограничивать скорость распространения эпидемии, практически ни одна из них не смогла установить контроль над ситуацией. Страны, о которых еще неделю назад мы говорили как о победивших эпидемию (Сингапур, Гонконг, Тайвань¹), сегодня сталкиваются со второй или третьей волной и вынуждены принимать даже более жесткие меры. Правительства отдельных стран уже начали создавать рабочие группы, которые обсуждают сценарии выхода из режима ограничений, и те, кто в Европе начинает делать первые шаги в этом направлении, явно не горят желанием спешить, разрешая для начала возобновить работу маленьким непродуктовым магазинам (Австрия и Чехия) или детским садам и школам (Дания).

Одним словом, шансов на то, что оптимистический сценарий является наиболее вероятным, не очень много, и главная задача, на мой взгляд, — это избежать сваливания в пессимистический сценарий.

ЧТО ДОЛЖНО ДЕЛАТЬ ПРАВИТЕЛЬСТВО?

В российском антикризисном пакете (если не брать его регуляторную часть) пока есть явный перекося в сторону действий Банка России, что представляется неправильным. Задача Центрального банка — поддерживать работоспособность банковской системы. Методами денежной политики можно поддержать бюджет, но не экономику. Основные инструменты антикризисной политики на этапе карантина — бюджетные программы.

Я категорически против принятия крупных и долгоиграющих бюджетных программ поддержки кого-либо, т.к. никто сегодня не понимает глубины и структуры российского кризиса; возможно, завтра придется помогать тем, о

1 Во всех этих случаях источниками новых вспышек эпидемии стали иностранные рабочие, вернувшиеся на заработки.

ком мы сегодня не слышим. Если какой-то из отраслей помогать, то нужно четко понимать, с какой целью. Так, например, можно помогать авиакомпаниям, но под их обязательство совершать не менее 1 рейса в день по тем направлениям, где раньше было не менее 5 рейсов в день, а по всем остальным — один раз в неделю. Эта мера будет удерживать единство страны и сохранять возможность передвижения.

В нынешней ситуации неоправданно принимать долгосрочные и масштабные по затратам решения, решения структурного характера, следует ограничиться краткосрочными решениями, ориентированными на 8–10 недель с тем, чтобы по мере развития ситуации обсуждать возникающие проблемы и искать пути их решения. Краткосрочные решения должны позволять решать наиболее болезненные проблемы.

Сохранение бизнес-среды

В качестве самой серьезной текущей проблемы сегодня выступает сокращение или остановка входящих текущих платежей у многих компаний, у которых сохраняются расходные обязательства (зарплата, аренда помещений, коммунальные платежи). Если крупные компании могут и должны сами искать (хотя бы частично) пути решения этой проблемы, выходя на рынки с облигационными займами, получая в банках кредиты или оформляя кредитные линии, то малый и средний бизнес (МСБ) лишен такой возможности. Государство должно прийти ему на помощь, т.к. массовое разорение и фактическое банкротство предприятий МСБ уничтожит плодородный слой в российской экономике, приведет к массовой безработице и резкому падению уровня жизни населения.

Принятое Банком России решение о кредитовании малого и среднего бизнеса коммерческими банками, которые будут получать низкопроцентные кредиты от Банка России, направлено на решение обозначенной проблемы, однако, оно не может быть признано вполне адекватным. Представляется правильным использовать опыт США, где предоставление кредитов малому и среднему бизнесу осуществляется за счет бюджета, при этом суммы кредита списываются, если его получатель потратил средства на выплату заработной платы или аренды и при этом сохранил численность занятых и не понизил зарплаты.

Минфин должен предоставить всем малым и средним предприятиям, которые в январе – феврале 2020 года осуществляли уплату платежей в Пенсионный фонд России и объем выручки которых в марте – апреле сократился более, чем на 50%, кредит в размере 80% от суммы выплаченной за эти два месяца зарплаты, но не более 25 тысяч на одного занятого (без начисления на эти суммы страховых платежей и без уплаты НДФЛ). Согласно данным Росстата, на предприятиях малого и среднего бизнеса работает 15 млн человек. При максимальной выплате всем из них ежемесячная сумма расходов соста-

вит 375 млрд. рублей (реализация такого предложения позволит снизить объем выплат пособия по безработице¹).

Сумма бюджетных кредитов, предоставляемых таким компаниям, может быть увеличена на сумму, равную 50% фактических арендных платежей при условии достижения соглашения с арендодателями о снижении вдвое размера арендной платы. Аналогичные меры должны быть предприняты для поддержки компаний, не попадающих под критерии МСБ, но работающих в секторах, наиболее пострадавших от сжатия экономической активности — гостиницы, ресторанные сети, авиакомпания, компании наземного и водного транспорта.

Поддержка жизненного уровня населения

Не менее серьезной проблемой будет падение жизненного уровня российского населения, что будет обусловлено падением уровня оплаты труда в компаниях, снизивших экономическую активность, но продолжающих деятельность, и ростом инфляции, спровоцированной 25-процентной девальвацией рубля. При решении этого вопроса наиболее правильным будет выбор государством механизмов равномерной поддержки всего населения.

В России невозможно осуществлять поддержку платежеспособности населения в условиях резкого снижения экономической активности через сплошные выплаты (всем гражданам с уровнем душевого дохода не ниже, чем определенная величина), т.к. государственные структуры не обладают такой персонализированной информацией и не имеют каналов доведения денег до каждого гражданина. В этих условиях можно использовать альтернативные методы поддержки населения:

Осуществление ежемесячных доплат пенсионерам (например, в размере 5 тыс. рублей), чей уровень пенсии не превышает 200% от средней пенсии (примерно 28,5 тысяч рублей в месяц). Из общей численности российских пенсионеров в эту категорию попадет примерно 90%, т.е. около 40 млн человек; таким образом, на выплаты понадобится около 200 млрд. рублей в месяц;

Выделение каждой российской семье бюджетной дотации в размере 2000 рублей в месяц на уплату коммунальных платежей. Данная дотация должна учитываться организациями, осуществляющими расчет коммунальных платежей, при составлении ежемесячных платежных документов. Если расчет и уплата коммунальных платежей осуществляется раздельно по видам услуг, то распределение дотации поровну между различными видами коммунальных услуг: по 500 рублей за электроэнергию, за водоснабжение и канализацию, газоснабжение — 500 рублей и теплоснабжение — 500 рублей. Семьи, которые не пользуются услугами коммунальных систем, могут написать заявление на получение суммы компенсации в денежной форме. Помимо поддержания пла-

1 Существующий механизм делает получение данного пособия практически невозможным в условиях карантинных ограничений.

тежеспособности населения эта мера может удержать уровень оплаты коммунальных услуг населением и предотвратить накопление задолженности. Исходя из общего числа российских семей в 42 млн, на выплату таких дотаций потребуется 84 млрд. рублей в месяц.

ИСТОЧНИКИ ФИНАНСИРОВАНИЯ

Перечисленные программы в расчете на 2 месяца максимально могут обойтись бюджету примерно в 1,5 трлн рублей (около 1,2% ВВП). Хорошо понятно, что в условиях спада экономической активности и падения цен на нефть бюджет уже в апреле начнет испытывать серьезное падение доходов, не имея ресурсов для финансирования плановых расходов без изменения подходов к бюджетной политике. Кризис, с которым сегодня сталкивается Россия, носит очень серьезный характер и, безусловно, требует принятия нестандартных решений, которые сводятся к трем альтернативам: использование средств ФНБ, привлечение долгового финансирования, секвестр бюджета.

1. Использование ФНБ в объемах, превышающих бюджетное правило (компенсация выпадающих нефтегазовых доходов), на нынешнем этапе не представляется оправданным, поскольку у Минфина есть очевидные возможности привлечь долговое финансирование. В такой ситуации ресурсы ФНБ целесообразно сохранить на более сложные времена, когда скорость и объемы финансирования антикризисных мероприятий превысят возможности, которые дают финансовые рынки.
2. Сегодня российский госдолг составляет менее 15% ВВП, и привлечение Минфином ресурсов на внутреннем или внешнем рынке в объеме 10% или даже 20% ВВП не представляет никакой угрозы финансовой стабильности. В условиях кризиса скорость обращения денег неизбежно замедляется, и Банк России может осуществлять определенное смягчение денежной политики, выкупая с рынка гособлигации в объеме, соответствующем привлечением Минфина.¹
3. Секвестр бюджета является сильнодействующим инструментом, использование которого в оптимистическом и даже умеренном сценарии не является желательным; в то же время в случае перехода в пессимистический сценарий этот шаг может быть неизбежным, и у Минфина должны быть готовы предложения на этот счет.

1 С точки зрения денежной политики, использование ФНБ и выкуп Банком России гособлигаций имеют одинаковую природу.

Олег Вьюгин,

профессор НИУ ВШЭ, бывший заместитель министра финансов

«ЭТО ТАКАЯ ЦИНИЧНАЯ ПОЗИЦИЯ: МАЛЫЙ БИЗНЕС, САМОЗАНЯТЫЕ, ИПЭШНИКИ ПОЯВИЛИСЬ НИОТКУДА, УЙДУТ В НИКУДА, НО ТАКЖЕ И ВЕРНУТСЯ ОТТУДА»

СЦЕНАРИИ И ЛОГИКИ АНТИКРИЗИСНЫХ МЕР

Исходя из предположений о том, как будет развиваться пандемия и какие меры борьбы с ней используются, можно выдвинуть два более или менее осмысленных сценария развития экономической ситуации в мире и в России. Первый, наиболее распространенный в прогнозах, предполагает прохождение пика заболеваемости в развитых странах в апреле – мае и спад заражений в июне, что позволит постепенно снять ограничительные меры карантина и восстановить экономическую активность в ведущих странах мира, включая Россию. То есть тактика «дождаться, когда ослабнет вирус, просидев в условиях карантина», будет успешной.

Второй сценарный вариант менее обнадеживающий. Вирус не ослабнет, и для того, чтобы сдерживать масштабы пандемии, придется сохранять значительные ограничения за пределами июня и искать новые пути сосуществования экономики и вируса, которые позволят в конечном счете избежать катастрофических экономических последствий. В этом случае главное направление в политике — поиск адекватных способов сосуществования с вирусом и обеспечения этого сосуществования ресурсами. В зависимости от того, на какой вариант мы ориентируемся в своей политике, должны быть и различные тактические шаги в экономических мерах, их скорости и масштабах.

В рамках первого сценария финансовые ресурсы должны быть в короткий срок направлены в экономику, чтобы решить две задачи: (1) оказать материальную поддержку гражданам, лишившимся источников доходов из-за мер карантина и (2) сохранить основные фонды и ключевой персонал компаний, которые были вынуждены остановить свою деятельность из-за карантина. Ровно это делают большинство стран, пораженных вирусом. Так как вероятность первого сценария выглядит существенно выше, в дальнейшем будем ориентироваться именно на него.

Развитые страны уже дали ориентир, в каких масштабах и в каких направлениях следует концентрировать финансовые ресурсы для того, чтобы пройти резкое сокращение экономической активности в течение апреля – мая и,

возможно, июня текущего года. Размер таких вливаний различен по странам, но в целом их суммарный объем в США, Евросоюзе, Японии и Китае составит около 10% объединенного ВВП. Основное направление использования — прямая помощь единовременными выплатами гражданам, которые лишились доходов, и мелкому и среднему бизнесу, чтобы сохранить их способность быстро восстановить активность по завершению карантина. Тем не менее уже имеющиеся свидетельства о масштабах сокращения экономической активности показывают, что даже при задействовании столь мощных финансовых вливаний развитым странам придется испытать спад ВВП в текущем году и, вероятно, слабый рост в следующем. Спад ВВП по развитым странам, включая Китай, можно оценить в 4–4,5%, при этом провал в первом полугодии будет свыше 10%.

ИНЕРЦИОННЫЙ СЦЕНАРИЙ И ЕГО ЛОГИКА

Финансовая поддержка пострадавших от карантина в апреле – мае граждан и бизнеса в России с учетом прямых и косвенных мер финансовой поддержки на фоне развитых стран выглядит скромно, порядка 2–2,5% ВВП. При этом часть этой помощи носит частично возвратный характер. По-видимому столь скромный масштаб помощи связан с ограниченным ресурсом властей и желанием по максимуму «выжать» ресурсы на поддержку из самого бизнеса. Условно говоря, это такая циничная позиция: малый бизнес, самозанятые, ИПшники появились ниоткуда, уйдут в никуда, но также и вернуться оттуда. Крупные компании уволят, сократят рабочий день, зарплаты, но выживут, переложив часть проблем на наемный персонал.

Есть также вопросы и к объему располагаемых свободных ресурсов ФНБ. Несмотря на неоднократно рекламируемый запас в фонде, реальность такова, что, даже договоренность в рамках ОПЕК+ о снижении добычи и естественное падение добычи в США, не позволят ценам восстановиться выше 30 долларов за баррель, поэтому из 9,6 трлн руб. ликвидных и свободных средств ФНБ половина может понадобиться для закрытия выпадающих нефтегазовых и нефтегазовых доходов бюджета — 2020. По моей оценке, при сохранении цены сорта Brent около 30 долл. за баррель и Urals около 20 долл., до конца года для поддержки экономики в ФНБ остается свободными немного, примерно 4 трлн руб., или 3–4% ВВП.

Если остаться на тех мерах поддержки, которые анонсированы, то спад ВВП в России в текущем году достигнет 7%, при этом в первом полугодии — порядка 10%. Результат года остается плохим, так как из-за недостаточной поддержки экономики в острой фазе карантина восстановление во втором полугодии будет более медленным, чем в тех странах, которые сосредотачивают максимальные ресурсы именно на острой стадии.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ МЕРЫ

Поэтому можно было бы рекомендовать увеличить объем финансирования поддержки спроса домашних хозяйств и сохранения малого и среднего бизнеса «в консервированном виде» именно в острый период карантина, то есть в апреле – мае, доведя его хотя бы до 5% ВВП. Эта цифра остается ниже финансовой помощи развитых стран. Но если учесть, что в отечественной экономике вклад сектора услуг и малого бизнеса в ВВП ниже, чем в этих странах, то можно признать, что этот минимум будет способен предохранить экономическую активность от разрушения и избежать впоследствии раскручивание дурной депрессивной спирали спрос – производство в период кризиса.

По официальной статистике на 1 апреля объем ликвидных средств ФНБ, хранящихся на счетах ЦБ, составлял 11,1 трлн руб., а без учета зарезервированных на покупку акций Сбербанка, — 9,6 трлн руб. Из этой цифры и надо исходить при планировании антикризисных расходов. Пока Минфин оценивает выпадающие нефтегазовые доходы бюджета в 3 трлн руб. Пока еще не было официальных оценок потерь ненефтегазовых доходов от сокращения экономической активности и налоговых послаблений, а это, по оценкам аналитиков, как минимум еще 1 трлн. В реальности потери доходов могут оказаться больше, поэтому необходим резерв на эту неопределенность, а также на вполне реальный вариант, что понадобится капитализировать банки. Ну а если исходить из того, что существует хоть и небольшая вероятность, что дело пойдет по второму сценарию, то резервы нужны в еще большем размере. Итак, если все эти риски заставляют власти, как кто-то выразился, «не палить резервы», то было бы разумным необходимые для финансирования антикризисных мер деньги занять.

При низком общем уровне публичного долга Россия может для целей поддержки увеличивать внутренний долг путем размещения ОФЗ. В самый критический момент коронакризиса спрос на суверенный долг может оказаться недостаточным для привлечения необходимых финансовых ресурсов. В этом случае ЦБ мог бы взять на свой баланс часть государственного долга либо за счет прямых покупок, либо через операции РЕПО с банками. При скоординированных действиях Минфина и ЦБ после окончания острой фазы кризиса вполне реально вернуть бумаги с баланса ЦБ в рынок. Более того, если все опасения, заставляющие резервировать свободные средства ФНБ на случай «Армагеддона», не сбудутся, то можно будет рассчитаться с ЦБ по этим займам. Очевидно, что при судорожном сжатии спроса, вызванным мерами карантина, инфляционные последствия этого временного количественного смягчения были бы очень ограниченными и не сопоставимыми с последствиями девальвации рубля из-за падения цены нефти.

Владимир Гимпельсон,

директор Центра трудовых исследований НИУ ВШЭ

СЪЕСТ ЛИ ВИРУС РЫНОК ТРУДА?

МАСШТАБ ПРОБЛЕМЫ

Хотя в полной мере мы сможем оценить «пейзаж после битвы» только тогда, когда эта «битва» завершится, многие проблемы уже очевидны и требуют срочных мер.

Если у заболевших в тяжелой форме коронавирус разрушает легкие, то на рынке труда он разрушает бизнесы и рабочие места, оставляя людей без работы и доходов. Масштаб потенциального разрушения оценить сложно: кризис распространяется неравномерно по регионам и видам деятельности, окончательная продолжительность карантинных мер неизвестна, у разных бизнесов разный потенциал выживания и разная чувствительность к мерам поддержки. Кто-то даже может в чем-то выиграть, как, например, продовольственная торговля с доставкой или технологические компании, обеспечивающие дистанционную работу и потребление. Таких, однако, немного, и выигрыш тоже может оказаться временным.

Я не берусь давать оценки возможной безработицы — разные оценки уже гуляют по СМИ, многие — вполне драматические. Единственное, что мы можем увидеть сегодня, это то, какие виды деятельности оказываются под ударом из-за вынужденного закрытия. Отсюда вытекают возможные количественные оценки потери рабочих мест. Естественно, не все, кто их занимает, при этом станут безработными. Какие-то бизнесы продолжат функционировать, а кто-то предпочтет переждать шторм дома, полагаясь на сбережения или помощь родственников.

Все виды коммерческих услуг (непродовольственная торговля, гостиницы и рестораны, пассажирский транспорт, рекреация, культура, спорт, туризм, различные виды персональных услуг и т.п.) оказываются под очевидным риском временной остановки из-за самоизоляции потребителей. На них по стране в целом приходится около трети всей занятости. Но и часть промышленности и строительства по цепочке не избежат сильного удара. Простое сложение дает катастрофические цифры. Москва, Московская область, Санкт-Петербург и ряд других регионов находятся на первой линии.

Не все предприятия сектора услуг находятся в красной зоне. Чем ближе к конечному, самоизолированному, потребителю, тем «горячее». Чем сам бизнес меньше, тем меньше запас прочности. Росстат (Труд и занятость в России, 2019) показывает занятость на крупных и средних предприятиях (около 32 млн человек) и всю совокупную занятость по стране (около 72 млн). Разность между эти-

ми числами, всего около 40 млн, дает примерную оценку численности занятых на малых предприятиях, у индивидуальных предпринимателей и физических лиц, разного рода самозанятых. В этом сегменте нет государства и перспективы прямой помощи со стороны последнего неопределенны и, возможно, призрачны. Оставим только тех, кто относится к услугам, и разделим по видам деятельности (рис. 1).

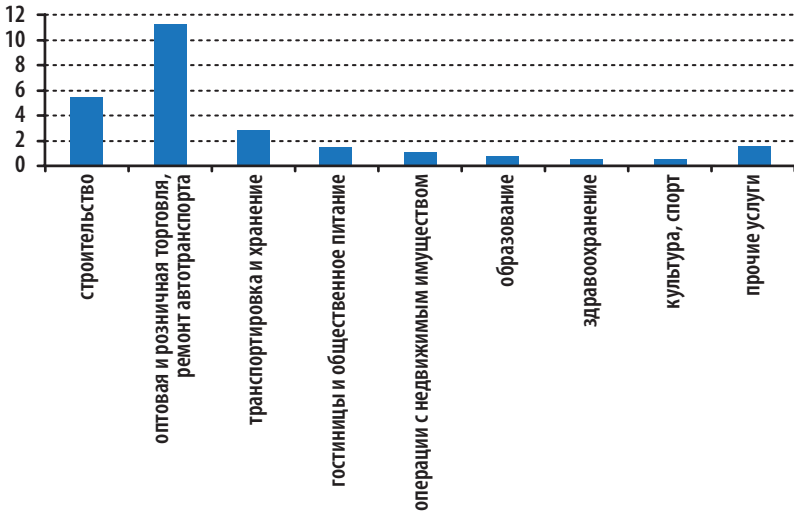

Рис. 1. Численность занятых в сфере услуг без учета крупных и средних предприятий

Итого 25,1 млн человек, или треть всей рабочей силы. Отмечу: это только занятые в частном малом и микробизнесе, сюда не попадает сетевая торговля и крупное строительство, нет здесь и бюджетников. В Москве удельный вес занятых в строительстве и коммерческих услугах, ориентированных на население, превышает 50% от всех занятых, в Московской области — 40%. Далеко не все они оказываются под угрозой, но многие. Часть среднего и крупного бизнеса (и не только в услугах) также испытывает серьезное давление. Даже если они не закроются полностью и будут делать все возможное, чтобы сохранить персонал, потери, скорее всего, неизбежны. Один миллион безработных составляет примерно 1,3% от совокупной рабочей силы. Таким образом, при потере 20% рабочих мест только в малом и микробизнесе безработица может увеличиться с 4,6% до 11%. Не все потерявшие работу (и доход) станут «безработными» в строгом смысле этого термина, так как в условиях самоизоляции

ного карантина поиск работы затруднен или просто невозможен. Многие, однако, не потеряют работу, но потеряют связанный с ней доход. Точные оценки здесь невозможны, но то, что речь идет о многих миллионах тех, кому может понадобиться помощь, не вызывает сомнения.

Занятые в малом и, особенно, микробизнесе и до кризиса не были богатыми — средний заработок вне корпоративного сегмента примерно на 25% меньше, чем внутри. Надо иметь в виду, что во многих семьях все члены трудятся в такого рода бизнесе, и тогда удар по семье приумножается. Лучше придется тем семьям, где есть бюджетники или пенсионеры, у которых доход не зависит от ситуации. Последствия с точки зрения роста бедности, неравенства, усиления психологической депрессии очевидны.

ПОДДЕРЖКА ПОТЕРЯВШИХ РАБОТУ И ДОХОДЫ

Потеря работы и дохода означает, что нечего есть и нечем кормить детей. В-первых, надо пытаться помочь **всем**, попавшим в эту беду. Никто не должен быть забыт. Во-вторых, помощь должна прийти быстро и максимально технологично.

Наиболее очевидным инструментом поддержки является пособие по безработице, которое основано на принципе адресности и администрируется специальным институтом — службой занятости. Именно для такого рода помощи эта служба и создана. Здесь возникает ряд вопросов. Первая группа связана с институциональной и технологической мощностью служб занятости в регионах. Насколько они технологически и организационно готовы к массовому обращению и способны быстро «обрабатывать» возможный поток обращений? Насколько финансовые ресурсы в их распоряжении достаточны для того, чтобы обеспечить пособиями всех регистрируемых, если этот поток резко вырастет? На эти вопросы, боюсь, ни у кого нет четких ответов. Ответы будут появляться по ходу развития ситуации. Вторая группа вопросов относится к самому пособию — его размеру, продолжительности выплат и условиям доступа. Даже максимальное (12,3 тыс. рублей в месяц), оно остается небольшим: около 25% по отношению к средней зарплате. В Москве и Московской области установлен более высокий размер пособия — 19,5 и 15,5 тыс. рублей, но и стоимость жизни здесь выше.

Если рассчитывать на эту опцию (выплата помощи в виде пособий по безработице), то стоит обратить внимание на следующее:

1. Максимально упростить регистрацию и выплату пособия, сделать его безусловно доступным всем безработным независимо от наличия и типа предыдущей занятости (в том числе для временно лишенных дохода индивидуальных предпринимателей, самозанятых, неформально занятых и т. п.).
2. Увеличить его размер хотя бы на четверть и увеличить продолжительность выплаты при условии отсутствия работы, по крайней мере до августа включительно (4 месяца вместо трех, обещанных Президентом). Фи-

нансирование пособий должно идти за счет федеральных источников, поскольку у регионов таких денег нет.

3. Поскольку такая экстренная помощь отличается от стандартного пособия по безработице (которое всегда зависит от соблюдения набора условий со стороны претендента), возможно, что ее следует назвать как-то иначе. Например, «временная субсидия из-за потери дохода вследствие вынужденной самоизоляции».

В какой мере эта опция даже при названных коррективах технологически возможна, мне судить трудно. Если нет, то это осложняет реализацию адресных мер в виде пособий по безработице. Если мы не можем обеспечить строгую адресность, то оказываемся перед выбором: помочь тем, кто в той помощи не особенно нуждается, или упустить реально нуждающихся. В данной ситуации очевидно, что ошибка первого рода предпочтительнее.

Возможное ослабление адресности может идти через исключение из дополнительных мер поддержки тех категорий, которые несут минимальные финансовые потери, получая доходы из бюджетной системы. Это прежде всего бюджетники, работники госкорпораций и компаний, имеющих твердые госконтракты, а также работающие пенсионеры. Также можно отсечь от срочной поддержки тех, кто в прошлом году заработал более 1 млн рублей. Для остальных нужно думать о механизмах и размерах безусловных выплат типа универсального базового дохода. Такое цензурирование сохранит элементы адресности, но позволит никого не потерять.

Еще одна группа, нуждающаяся в поддержке, включает тех, кто сохранил работу, но уволен, но отправлен в отпуск без сохранения зарплаты. Заслуживают ли они поддержки? На мой взгляд, безусловно. Боюсь, что перечислил не всех. Мигранты — внутренние и внешние, потерявшие работу и не имеющие возможности вернуться домой, также нуждаются в помощи.

МЕРЫ ПОДДЕРЖКИ БИЗНЕСА

Особой проблемой является спасение среднего, малого и микробизнеса, затронутого противопандемическими ограничениями. Они закрылись не из-за своей неэффективности, а в связи с чрезвычайными обстоятельствами, и это грозит массовым разрушением физического и человеческого капитала. Но коронавирус пройдет, и экономика должна сразу пойти в рост. Сразу после выхода из карантинных мер понадобятся миллионы рабочих мест, готовые принять обратно своих временно простаивавших работников. Чтобы высокая безработица не стала хронической, простаивающий бизнес должен пережить это сложное время. Его исчезновение затруднит последующее восстановление экономики (занятости и доходов).

Если крупным компаниям государство (возможно?) и знает, как и чем помочь, то поддержка этой неоднородной популяции является намного более сложной задачей. Набор потенциальных мер и тех, что уже применяются,

включает налоговые каникулы, беспроцентные займы, снижение и отсрочка платежей аренды и т.п. Но лишившись оборота, бизнес не может платить ни зарплату, ни аренду, ни налоги, ни проценты по кредитам. Никакие отсрочки не решают проблемы.

Тогда государство должно искать пути хотя бы частичного покрытия или списания и этих расходов. Пойти по пути выплаты части зарплаты наемным работникам в случае, если работодатели согласятся их не увольнять. Особый пункт — минимизация контрольно-надзорных мероприятий, многие из которых в нынешней ситуации были бы откровенным вредительством. Мне представляется, что и по политическим, и по экономическим причинам государство должно быть очень заинтересовано в выживании всего малого бизнеса не меньше его собственников. Попытки решить эти проблемы за счет населения («среднего класса с 17 тыс. в месяц») или за счет тонущего бизнеса («торгашей и жуликов») не могут увенчаться успехом и лишь подорвут и экономику, и доверие государству на годы вперед.

Евсей Гурвич,

руководитель Экономической экспертной группы

ПЯТЬ ШОКОВ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

СИТУАЦИЯ И СЦЕНАРИИ

Разворачивающийся экономический кризис сочетает стандартные черты (падение производства и международной торговли, болезненные финансовые шоки) с уникальной новой проблемой — вынужденным отказом от международного, а затем и внутристранового передвижения и изоляцией граждан в масштабах отдельных населенных пунктов и целых стран. В результате значительная часть производства оказывается парализована, снижение экономической активности достигает 20–35% в зависимости от строгости мер изоляции. Типичную продолжительность периода изоляции, исходя из имеющегося международного опыта, можно оценить в 2–2,5 месяца. Однако в дальнейшем возможны несколько сценариев: а) переход мировой экономики в обычный режим работы по мере снятия карантинных мер и ограничений на передвижение и контакты людей, б) необходимость частичного сохранения чрезвычайного режима, сложившегося в период пандемии, в течение достаточно длительного времени, в) появление время от времени новых вспышек эпидемии и повторное применение режима изоляции. В настоящее время основным считается первый, наиболее оптимистический сценарий, однако объективно нет оснований отдавать ему безусловное предпочтение; концентрация на нем объясняется скорее тем, что в двух других слишком велика неопределенность, так что их не стоит полностью сбрасывать со счетов.

Пандемия ударила по всем крупнейшим экономикам мира, и почти все они, за единичными исключениями, вынуждены были на время ввести достаточно жесткие ограничения, неизбежно снижающие уровень производства. В результате на сегодня ожидается рекордно большой спад производства во 2-м квартале (в Европе — до 15% к предыдущему году, в США — 8–9%, в странах Латинской Америки — порядка 5%) и очень значительный, хотя и несколько меньший спад по итогам 2020 года (3–4% для мировой экономики, 5–6% для развитых стран). Напомним, что «великая рецессия» (международный финансовый кризис 2008 года) вызвала падение мирового ВВП в 2009 году на 0,1% при агрегировании страновых показателей по паритету покупательной способности. В силу этого уже появились предложения назвать нынешний кризис, уникальный по масштабам спада, «матерью всех рецессий».

ПЯТЬ ШОКОВ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

Если говорить о российской экономике, то она испытывает сразу пять связанных между собой шоков.

1. Россия, как и все страны мира, страдает от сжатия внешнего спроса, влекущего за собой сокращение объема экспорта. На сегодня можно примерно оценить влияние этого фактора на российский ВВП как вычет из темпов роста двух процентных пунктов.
2. Глубокое падение цен на нефть ударило по странам-нефтеэкспортерам, резко сократив их экспортные и бюджетные доходы. Уровень цен в ближайшие месяцы будет во многом определяться новыми договоренностями клуба ОПЕК+ (или расширенного ОПЕК+) либо отсутствием таких договоренностей. Однако в любом случае среднегодовая цена нефти Urals вряд ли превысит 45 долл./барр., при отсутствии же договоренности она, скорее всего, будет лежать в диапазоне 25–30 долл./барр. В этом случае цена на нефть упадет в 2–2,5 раза за один год. В 2015–2016 годах примерно такое же падение произошло за 2 года, а в 2009 и 1998 годах кризисы запускались в результате существенно меньших потерь стоимости барреля. Достаточно жесткое бюджетное правило, введенное в 2017 году, существенно ослабило зависимость российской экономики от цен на нефть, однако столь масштабный негативный шок, безусловно, крайне серьезно отразится на российской экономике. Его влияние на ВВП можно примерно оценить как потерю в текущем году 2–2,5 процентных пунктов роста.
3. Как обычно происходит в кризисные периоды, капитал уходит в наиболее надежные «гавани» — большие развитые страны с сильной финансовой системой, в первую очередь США. Этот фактор уже серьезно ощущается на рынке российского государственного долга и скажется также на других каналах движения капитала, а тем самым на стоимости заимствований и объеме инвестиций.
4. Введенный режим самоизоляции существенно снижает уровень экономической активности. Оценки ЦМАКП, основанные на анализе электропотребления, указывают на снижение в начале апреля такой активности в ЦФО (где ограничения были введены раньше чем в других регионах) на 16–17%. Эти оценки, включающие все перечисленные факторы, с учетом также опыта других стран, позволяют предсказать спад российской экономики по итогам текущего года примерно на 5%.
5. Наконец, скорость восстановления экономики после снятия вызванных пандемией ограничений, во многом будет зависеть от степени неопределенности дальнейших перспектив — высокая неопределенность неизбежно заставит бизнес откладывать на будущее, до прояснения ситуации инвестиционные решения и наем уволенных либо ушедших работников.

Как обычно, кризис будет проходить несколько этапов. Начавшись со сжатия внутреннего спроса из-за падения цен на нефть, он продолжится снижением предложения из-за ограничений, связанных с введением мер изоляции, затем вызовет волну сокращений и всплеск безработицы, ухудшит финансовые результаты бизнеса. В результате произойдет дальнейшее сокращение потребительского и инвестиционного спроса, дефолты по кредитам и банкротство части компаний (причем не только в секторах, прямо подверженных кризису, но и в других, страдающих от отсутствия внутреннего и внешнего спроса). Далее может происходить быстрое накопление банками «плохих» долгов и обострение проблем финансовой системы. При этом шоки кризисного периода особенно опасны, учитывая вероятное наличие скрытых «дыр» в балансах существенной части банков и предприятий реального сектора. Важно также, что формальная или фактическая ликвидация части бизнеса может принять долгосрочный характер, что серьезно сократит потенциальный объем выпуска.

ЛОГИКИ АНТИКРИЗИСНЫХ ПРОГРАММ

В таких условиях многое зависит от действий правительства и Центрального банка, которые могут своими энергичными мерами предотвратить развитие кризиса по худшему сценарию. Эта опасность остро осознается всеми странами, на которые распространилась пандемия. Практически все развитые страны приняли беспрецедентные по масштабам антикризисные программы, включающие широкий набор фискальных мер и мер денежно-кредитной политики. Пакеты поддержки государством граждан и бизнеса в большинстве развитых странах превышают 5% ВВП, а в некоторых (как США) составляют более 10% ВВП. Общая логика формирования этих программ сводится к принципу «необходимо обеспечить полную поддержку экономики и населения в требуемых объемах, чего бы это ни стоило». По всей вероятности, за таким подходом стоит убеждение в том, что, во-первых, в режиме карантинных мер значительная часть экономики и домашних хозяйств не сможет нормально существовать без серьезной поддержки государства, а, во-вторых, поскольку режим изоляции вводится решением властей, то оно обязано брать на себя основную часть сопутствующих издержек. При этом уникальный масштаб угроз делает не только необходимым, но часто и экономически более выгодным купирование в самом зародыше основных механизмов распространения кризиса на все сферы экономики.

Однако если говорить о других странах, они в основном принимают намного более скромные антикризисные программы. Такая ситуация объяснима: странам, не относящимся к числу наиболее развитых, намного труднее найти ресурсы для проведения необходимых трат в полном объеме, им приходится считаться с жесткими ограничениями имеющихся возможностей поддержки экономики. Так, стоимость принятых пока Китаем фискальных мер составляет

лишь 1,2% ВВП (правда, ожидаемый в апреле съезд КПК может существенно расширить список мер).

Ситуация в России на первый взгляд выглядит парадоксально. Объявленные прямые расходы государства на поддержку экономики пока не превышают 1–1,5% ВВП (хотя постепенно сумма увеличивается), что почти в десять раз меньше накопленных в ФНБ средств (примерно 11,5% прогнозируемого ВВП). Но если вычесть неликвидные средства и деньги, зарезервированные на покупку Сбербанка, свободные средства составят 8,5% ВВП. Далее нужно понимать, что падение производства, объемов экспорта и цен на нефть вызовет огромный недобор бюджетных доходов. При цене нефти 30 долл./барр., исходя из бюджетного правила, примерно 1,5% ВВП автоматически должно быть направлено на замещение дефицита нефтегазовых доходов. Сверх этого бюджетная система (включая федеральный, региональные, местные бюджеты и внебюджетные фонды), по оценкам, потеряет более 2,5% ВВП. Поскольку правительство намерено полностью выполнить расходные обязательства, необходимо будет найти способы компенсировать и эти потери.

С большой вероятностью недобор бюджетных доходов будет наблюдаться и в последующие годы: хотя рост, вероятно, возобновится, его темпы будут устойчиво отставать от прежних прогнозов, так что объем ВВП в 2021–2022 годах может оказаться ниже прогнозного на 7–8%. Это означает недобор ненефтегазовых доходов в объеме 2–2,5% ВВП в год. При этом ФНБ в этот период вряд ли будет пополняться: превышение ценами на нефть базовой цены бюджетного правила выглядит маловероятным. В то же время сокращение государственных расходов или повышение налогов очень нежелательны, поскольку могут блокировать процесс выхода из кризиса. Сказанное вполне объясняет осторожность правительства в использовании накопленных бюджетных резервов.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ МЕРЫ

Однако правительство имеет еще один потенциальный козырь: низкий уровень государственного долга (по состоянию на 1 марта лишь 14% ВВП). МВФ считает этот фактор важной составляющей так называемого «фискального пространства», т.е. способности при необходимости осуществлять активную антикризисную бюджетную политику. При небольшом накопленном долге правительство может увеличивать заимствования без опасений подорвать долгосрочную макроэкономическую устойчивость. Правда, для этого пришлось бы выйти за ограничения, установленные действующим бюджетным правилом, однако представляется, что в сложившейся ситуации будущее бизнеса и решение жизненных социальных проблем важнее, чем неприкосновенность бюджетного правила (при всей важности этой задачи). Другая проблема состоит в том, что российские инвесторы, вероятно, будут иметь ограниченные возможности покупки государственного долга, а иностранные инвесторы уходят из России, как и из других «формирующихся рынков». Представляется,

что в нынешней экстраординарной ситуации можно пойти на значительную покупку гособлигаций Центральным банком. Это увеличит денежную эмиссию, однако при глубоком сокращении внутреннего спроса вряд ли следует ожидать избыточного роста инфляции.

Таким образом, правительству целесообразно расширить программу антикризисных мер, финансируя их в основном за счет выпуска долга. Эти меры должны действовать ограниченное время, поэтому увеличение размеров долга окажется достаточно ограниченным. Необходимо учитывать также, что активная поддержка экономики, во-первых, приведет к меньшему спаду производства (и, значит, большим поступлениям в бюджет в будущем), и во-вторых, поможет избежать (или хотя бы уменьшить) вероятное банкротство части банков, которое потребует от Центрального банка и/или правительства еще более значительных ресурсов.

Поддержка должна направляться параллельно по всем каналам: в виде смягчения денежной политики (как за счет снижения ключевой ставки, так и за счет покупки гособлигаций), предоставления госгарантий, рассрочки по уплате налогов и обслуживанию кредитов и т.д. Ориентир по допустимому объему фискальных антикризисных мер на текущий год можно оценить как 3–4% ВВП в виде суммы дополнительных бюджетных расходов и снижения налогов. Такие расходы целесообразно направить на решение нескольких задач: предотвращение ликвидации части бизнесов, борьбу с массовыми увольнениями сотрудников (в частности, в малом и среднем бизнесе и оказавшимися под ударом секторами экономики), поддержку безработных. При этом предпочтение следует отдавать наиболее эффективным мерам, которые могут быть быстро проведены в жизнь. Так, не представляется оправданной выдача определенной суммы всем гражданам, так как основная их часть попадет тогда не самым нуждающимся.

Целесообразно использовать некоторые введенные в действие или объявленные механизмы, расширив их действие. В частности, некоторые меры следует распространить на большее число секторов или сделать универсальными, в других случаях имеет смысл снять или смягчить условия доступа к предусмотренной поддержке. Дополнительные меры поддержки могут включать, в частности, отмену при определенных условиях части налогов на время карантина, освобождение малого и среднего бизнеса на время вынужденной изоляции от платы за аренду государственной или муниципальной недвижимости, поддержку индивидуальных предпринимателей и работников, не имеющих постоянной занятости. Часть антикризисных мер должна проводиться региональными властями при поддержке, в случае необходимости, федерального правительства. Активные меры вряд ли позволят избежать спада ВВП в текущем году, однако минимизируют его в самой острой фазе, ускорят восстановление экономики после прохождения нижней точки кризиса, а также существенно смягчат социальные последствия кризиса.

Сергей Гуриев,

профессор экономики Sciences Po, Париж

«КРАЙНЕ ВАЖНО СКАЗАТЬ О ТОМ, ЧЕГО ДЕЛАТЬ НЕ СЛЕДУЕТ»

СЦЕНАРИИ

Россия столкнулась с самым существенным кризисом с 1990-х годов: на повестке дня и опасность неконтролируемого распространения эпидемии, и резкое снижение цен на нефть вследствие глобальной рецессии.

Скорее всего, спад в мировой экономике будет глубже, чем в 2008–2009 годах. Более того, так как введение карантина по всему миру резко сократило объем пассажирских перевозок, спрос на нефть упал гораздо больше, чем тогда. Поэтому трудно предсказать, насколько сильно пострадает российская экономика. С другой стороны, эпидемия началась в России позже, чем в Азии и Европе (видимо, вследствие, существенной изоляции России от мировой экономики), что позволяет использовать данные по другим странам. Эти данные показывают, что карантин действительно приводит к существенным потерям для. Например, несмотря на то что карантин был введен в Европе только во второй половине марта, спад ВВП в первом квартале (к первому кварталу 2019 года) составил в Германии 10%, во Франции — 6%.

Оценки экономистов показывают, что шестинедельный карантин снижает годовой ВВП Франции почти на 6%, месячный карантин в одном только Токио может обойтись в 5% годового ВВП всей Японии. Поэтому можно предположить, что 2–3-месячный карантин приведет к снижению ВВП за 2020 год на существенную величину — до 10%. Естественно, в первую очередь пострадают транспорт, отрасли развлечений, туризма, непродовольственной торговли и общественного питания. Как и в любой масштабной рецессии, серьезные потери понесет строительство. Главный удар придется по малому бизнесу, у которого нет подушки безопасности.

Может ли Россия избежать введения карантина? Это маловероятно. Уже в начале апреля стало очевидно, что российская система здравоохранения не справляется с потоком заболевших. Поэтому так или иначе карантин придется ввести — по крайней мере, в крупных городах (в которых и сосредоточена существенная часть российской экономики).

НЕОБХОДИМЫЕ МЕРЫ

В такой отчаянной ситуации государство обязано оказать помощь гражданам. Во время карантина и последующего масштабного экономического спада

некоторые граждане полностью потеряют доходы. В то же время, у двух третей граждан нет сбережений. Государство должно обеспечить своим гражданам минимальный уровень жизни. Для этого необходимы экстраординарные меры: существующая система социальной поддержки недостаточна и неповоротлива.

Помощь можно осуществить тремя способами: прямыми выплатами гражданам, субсидиями на оплату ЖКХ и дополнительными выплатами пенсий.

Во-первых, необходимо выплачивать всем взрослым гражданам по 20 тыс. рублей в месяц (итого около 2 трлн рублей) на протяжении карантина. Это потребует существенных организационных усилий, но Федеральная налоговая служба обладает данными по индивидуальным номерам налогоплательщика и может организовать такие выплаты (либо автоматически, либо по обращению граждан).

Во-вторых, с учетом особо тяжелого положения пожилых граждан всем пенсионерам нужно удвоить пенсии (итого около 0,6 трлн рублей в месяц) на протяжении карантина.

В-третьих, необходимо разрешить не оплачивать услуги ЖКХ до 5 тыс. рублей в месяц (тем, чьи расходы превышают 5 тыс. рублей, необходимо будет заплатить разницу). Федеральный бюджет должен будет возместить выпадающие расходы компаниям — поставщикам услуг. Это обойдется бюджету в 0,25 трлн рублей в месяц (в России 50 млн семей).

В дополнение к поддержке граждан необходимо поддержать и малый бизнес — не льготными кредитами, а безвозвратными субсидиями на выплату зарплату и аренды. Малое предприятие, которое работает без выручки 2–3 месяца, никогда не сможет вернуть даже льготный кредит. Для того, чтобы после кризиса бизнес мог бы быстро развернуть производство, его надо избавить от необходимости искать новый персонал и искать новое место аренды. Я не располагаю данными о расходах малого бизнеса на аренду, но поддержка выплаты зарплату в размере 20 тыс. рублей в месяц (с отменой всех социальных начислений) составит 0,3 трлн рублей в месяц (на малых и средних предприятиях в России занято около 15 млн человек).

Преимущество совокупности этих мер заключается в том, что они покрывают все население России (включая самозанятых, индивидуальных предпринимателей и занятых в неформальном секторе). В сумме эти четыре меры обойдутся чуть более чем в 3 трлн рублей в месяц. Соответственно, за два-три месяца карантина необходимо будет потратить 6–10 трлн рублей. Такие суммы Россия может себе позволить. Именно для таких ситуаций создавался Фонд национального благосостояния, в котором есть достаточные средства. Впрочем, я считаю возможным и расширение программы государственных заимствований — выпуск ОФЗ на сумму в 2–3 трлн рублей. Для того, чтобы государственные облигации пользовались спросом, необходимо использование банками ОФЗ в качестве залога по операциям РЕПО с Центральным банком.

ЧЕГО НЕ ДЕЛАТЬ

Крайне важно сказать и о том, чего делать не следует. Во-первых, не следует замораживать цены — это приведет к возникновению дефицита и черного рынка. Для снижения цен на товары первой необходимости другие меры: отмена так называемых «контрсанкций». Во-вторых, необходимо не создавать новые барьеры для торговли средствами индивидуальной защиты и медицинским оборудованием, а принимать экстренные меры по снижению барьеров для импорта и сертификации. Необходимо разрешить ввоз и продажу любых средств индивидуальной защиты, систем тестирования на коронавирус, медицинской техники при условии, что они сертифицированы в странах ОЭСР. В-третьих, не следует изменять принципы денежной политики: необходимо сохранение политики инфляционного таргетирования и гибкого курса рубля. Ни в коем случае нельзя подвергать сомнению независимость ЦБ и переходить к прямому кредитованию бюджета Центральным банком.

Если будут приняты вышеизложенные меры, то кризис будет глубоким, но коротким. Но это не означает, что после кризиса российская экономика начнет быстро расти. Структурные проблемы российской экономики — отсутствие защиты прав собственности, отсутствие независимой и компетентной судебной системы, монополизация, доминирование государства и изоляция от глобальной экономики — никуда не денутся. Для того, чтобы российская экономика вернулась к быстрому росту, а не к стагнации (с темпами роста 1–2 % в год), необходимы совсем другие меры. Но в настоящее время необходимо сконцентрироваться на борьбе с беспрецедентно тяжелыми вызовами, связанными с эпидемией коронавируса и глобальной рецессии.

Владислав Иноземцев,

директор Центра исследований постиндустриального общества

«МАССИРОВАННАЯ ПОМОЩЬ ГРАЖДАНАМ И БИЗНЕСУ ДОЛЖНА “КУПИТЬ” НЕ ТОЛЬКО МЕНЬШИЙ ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ СПАД, НО И СВОЕГО РОДА КОНСТРУКТИВНЫЙ “ПОСТКРИЗИСНЫЙ КОНСЕНСУС”»

СИТУАЦИЯ И СЦЕНАРИИ

Российская экономика столкнулась с самыми серьезными вызовами за последние двадцать лет. Одновременно на нее воздействуют: эпидемия коронавируса, требующая карантина и закрытия сотен тысяч бизнесов, резкое падение цен на нефть и газ, вызванное всемирным характером эпидемии и фундаментальными сдвигами в энергетическом балансе; и связанный с этими и иными обстоятельствами понижающий тренд на фондовых рынках. Все это делает задачу властей крайне сложной: необходимо не только найти адекватный ответ на вызовы эпидемии, но и выработать стратегию существования в условиях низких нефтегазовых доходов, которые могут не вернуться к прежним значениям на горизонте 2022–2023 годов. Оценку возможности решения этих задач нужно предварить несколькими замечаниями о вероятной динамике мировой экономики.

На мой взгляд, к середине апреля в мире сложилась ситуация, делающая реалистическим прогноз V-образного спада. Исходя из того, что в США, Великобритании и странах ЕС доля сферы услуг в экономике составляет 71–77%, а значительная ее часть будет парализована с середины марта до начала мая, практически отсутствуют покупки непродовольственных товаров и заморожены многие из обязательных платежей, прекращено базовое авиационное и железнодорожное сообщение, можно оценить спад экономической активности в крупнейших экономиках мира на 6–7% в феврале, 9–11% в марте, 19–20% в апреле и 5–6% в мае (к соответствующим периодам 2019 года). Во второй половине года скорее вероятен подъем на 4–6% в результате удовлетворения масштабного отложенного спроса и всплеска социальной активности после завершения карантина. С учетом этих оценок, спад в I квартале в США и ЕС составит 6–9% ВВП, а во II квартале — до 11% ВВП (к 2019 году). Спад по итогам FY-2020 видится на уровне 5,5–7%, что существенно больше, чем в 2009 году (в США — 2,5%, в ЕС — 4,3%). При этом население понесет менее значительные потери: реальные доходы сократятся на 3–4% из-за массивных программ

государственной поддержки спроса. Полное преодоление кризисных явлений я бы отнес ко II кварталу 2021 года.

Но кризис 2020 года может сыграть и положительную роль: коррекция стоимости активов в период спада снимет с рынка некую часть спекулятивного налета, образовавшегося в годы затянувшегося подъема 2010–2019 годов; как следствие, «ситуативный» кризис 2020 года будет воспринят рынком в качестве давно ожидавшегося циклического спада, а массированные программы государственной поддержки бизнеса, количественного смягчения и очередной период низких ставок могут обусловить наступление нового периода устойчивого роста мировой экономики, который растянется на все 2020-е годы.

Преодоление кризисных явлений потребует намного больших финансовых вливаний, чем борьба с рецессией 2008–2009 годов. Первая волна стимулирующих мер оценивается в 9,2–11% ВВП ведущих западных стран и, судя по всему, в конце апреля некоторым из них потребуется принятие новых пакетов помощи, а общий объем поддержки составит не менее 15% ВВП, что практически в два раза превышает масштабы 12-летней давности. При этом сегодня правительства начинают практиковать ранее неизвестные меры, в частности, прямые безвозмездные выплаты гражданам и пострадавшим бизнесам. Такая практика представляется совершенно логичной, так как остановка предприятий и «самоизоляция» граждан трактуются как результат прямых указаний государственных структур, за которые они принимают на себя ответственность.

Потери нашей экономики в целом могут быть сопоставимыми с потерями западных, но будут хронологически сдвинуты, так как эпидемия проявилась (или была официально признана) в России позже, чем в ЕС и США. Падение российской экономики в первом квартале составит 3,5–5%, а во втором — не менее 15%. Выход из этого спада будет намного более медленным, так как, с одной стороны, правительство пока не намерено осуществлять серьезных мер поддержки граждан и бизнеса, и, во-вторых, именно на середину года придется самый существенный удар от снизившихся цен на энергоносители (минимальные цены на фьючерсах фиксировались пока на май, основная ценовая борьба на реальных поставках развернется в апреле). Экономика ощутит «перекрытый нефтяной кран» в июне-августе 2020 года. Собственно, главной задачей властей я бы назвал противодействие развитию событий по этому сценарию и мобилизацию максимально возможных ресурсов для того, чтобы вернуться к V-образной кривой кризиса не позже III квартала.

НЕОБХОДИМЫЕ МЕРЫ

С этой целью я предлагал бы применить две группы мер. С одной стороны, речь должна идти о существенном дерегулировании в ряде ключевых отраслей. Представляется рациональным облегчить условия работы банков (например, снизить со 100% до, скажем, 20% нормативы резервирования в случае

предоставления беззалоговых кредитов предприятиям, пострадавшим от последствий эпидемии); активизировать рынок корпоративных облигаций, открывающий крупным предприятиям доступ к заемным средствам; предоставить дополнительные льготы банкам, готовым дать клиентам «кредитные каникулы» на суммы займов, превышающие оговоренные в последних распоряжениях правительства.

В отраслях с высоким числом занятых и заведомо низкими показателями прибыльности стоило бы на временной основе отменить взимание НДС (прежде всего это касается пассажирского транспорта, общественного питания, сферы гостиничных услуг). Следует максимально быстро оценить те налоги, администрирование которых особенно дорого по отношению к размерам собираемых платежей, и отменить их. Все эти меры следует анонсировать как временные, вводимые, скорее всего, до конца 2021 года. Главная задача состоит в сохранении занятости, продолжении поступления страховых платежей во внебюджетные фонды и избегании выплаты дополнительных пособий (того же пособия по безработице, например).

С другой стороны, речь должна идти о прямой финансовой поддержке граждан и бизнесов. На мой взгляд, учитывая степень монополизации российской экономики и ее коррупционность, следует однозначно предпочитать прямые выплаты гражданам любым иным мерам поддержки (лучше выплатить 13-ю пенсию всем пенсионерам, чем инвестировать в пресловутые программы «горячего школьного питания»). Администрировать прямую денежную помощь можно просто отметкой в паспорте, выдавая деньги наличными через Сбербанк или переводом на карточный счет.

Структурно помощь экономике имеет смысл организовать по двум каналам. Во-первых, нужно признать, что секвестр бюджета нежелателен (он, напротив, сократит поступление денег в экономику); поэтому бюджет должен исполняться в полном объеме, но в размере фиксируемого по итогам каждого месяца дефицита Минфин должен эмитировать ОФЗ, которые уполномоченные банки покупали бы для последующего залога в ЦБ. Объем таких заимствований составил бы по итогам года 5–6 трлн рублей или 6% ВВП (что не критично при нынешнем объеме долга в 14,4 трлн рублей или 14% ВВП). Возражения, связанные с высокой ценой обслуживания этого долга, лукавы: проценты будут в конечном итоге лишь увеличивать прибыль ЦБ, которая через год на основании закона о Банке России вернется в бюджет. Дополнительная денежная масса не спровоцирует инфляции, так как плановые расходы бюджета 2020 года не увеличатся. Финансирование дефицита станет в таком случае чисто техническим процессом и не будет требовать политических решений о расходовании средств из Фонда национального благосостояния.

Во-вторых, сами средства ФНБ в некоторой части также придется использовать, но не для компенсации выпадающих (в основном из-за конъюнктуры на рынке энергоносителей) доходов, а для финансирования расходов, вызванных

борьбой с эпидемией. Из этого источника могли бы быть профинансированы единовременные денежные выплаты (при сумме в 15–17 тыс. рублей на человека это потребовало бы около 2 трлн рублей при дифференциации на взрослых и детей), но при этом предприниматели были бы избавлены от выплаты зарплат в апреле и (вероятно) мае.

Все остальные меры поддержки бизнеса кажется разумным осуществлять на возвратной основе, кредитую на 1–2 года под процент ниже инфляции или беспроцентно из того же ФНБ (на эти нужды можно направить еще около 3 трлн рублей, сократив в итоге резервы в течение этого года наполовину). В итоге из обоих источников финансирования экономика получит около 10% ВВП — сумму, сопоставимую с потребностями других стран в кризисных условиях.

Следует сделать замечание относительно попадающих в проблемные ситуации граждан, неспособных оплатить услуги ЖКХ, расплатиться с банками по кредитам, осуществить какие-то иные платежи. На мой взгляд, при всей привлекательности идеи списания долгов она является не только ошибочной, но и опасной. Правильнее было бы предоставить освобождение от пеней и штрафов на 5–6 месяцев; то есть люди могут не платить за ЖКХ, а потом по определенному графику погасить платежи без дополнительных «накруток». Поставщики соответствующих услуг имеют маржу, достаточную для того, чтобы перекредитоваться в банках (то же самое относится и к процентам по кредитам). Освобождение граждан от части платежей приведет к резким разочарованиям и конфликтам по завершении данного периода; и если с предпринимателями решить такие конфликты будет относительно легко, то в случае с населением это может стать большой проблемой.

ПОСТКРИЗИСНОЕ РАВНОВЕСИЕ И ПОСТКРИЗИСНЫЙ КОНСЕНСУС

Граждан и бизнес нужно взбодрить практически немедленно, в ближайшие недели или месяц. Поэтому нужно объявить о денежных выплатах и произвести их сразу по окончании карантина, а кредитные средства предприятиям выделить в мае – июне, когда экономика будет «открываться», но потребность в оборотных средствах будет очень высока, а конечный спрос еще низок. При этом я бы все же настаивал на предложении создать при правительстве что-то типа «круглого стола» бизнеса и власти, участники которого выявили бы самые пострадавшие отрасли, определили оптимальные размеры финансовой помощи и договорились о механизме работы в «особый период».

В то же время представляется совершенно контрпродуктивной идея помощи «стратегическим предприятиям». Они на протяжении многих лет выступали хорошими заемщиками и всегда могут перекредитоваться на коммерческих основаниях и в то же время располагают практически гарантированным cashflow, который восстановится при оживлении экономики. Иначе говоря, большие предприятия заработают сами собой, если выживут мелкие, сохра-

няться рабочие места и будет поддержан жизненный уровень граждан, но вот обратное — неверно.

Крупными финансовыми вливаниями весны — начала лета 2020 года российские власти должны достичь трех целей: (1) сохранить большую часть бизнесов (часть из них впоследствии все равно разорится, но это уже естественный процесс) и поддержать занятость, (2) минимизировать эффект V-образного провала и создать условия для того, чтобы сокращение ВВП по итогам года не превысило 6–7%, (3) создать в обществе атмосферу сотрудничества между властью и бизнесом и относительного доверия между населением и элитами. Идеологически я бы изобразил последнее как своего рода пресловутое «повторение» истории времен героизируемой войны, когда вся страна сплотилась в противостоянии внешней угрозе. Иначе говоря, массированная помощь гражданам и бизнесу должна «купить» не только меньший хозяйственный спад, но и своего рода конструктивный «посткризисный консенсус».

Значение последнего велико, потому что и в следующие годы будет вряд ли возможно обеспечить российской экономике возможности для развития. Сегодня мы не знаем, на каком уровне стабилизируются цены на нефть, понимаем, что в прежнем объеме невозможно будет задействовать механизмы потребительского и ипотечного кредитования и должны отдавать отчет в том, что программа «количественного смягчения» с использованием возможностей Банка России вряд ли может быть продлена далеко в 2021 году. Иначе говоря, экономике придется искать новое посткризисное равновесие. Каким бы оно ни было, при нынешней политической системе устойчивый рост невозможен.

Мы видели затухание роста при очень дорогой нефти в 2011–2013 годах, практически полное его отсутствие в 2017–2018 годах на более низких уровнях цен; я полагаю, что и при нефти в \$25–30/баррель мы тоже можем увидеть балансирование около нуля, но на уровнях ниже 2019 года на величину падения ВВП в 2020-м году и при существенно более низком курсе рубля (ок. 110–120/долл.). Переход к такому состоянию может не сопровождаться разрушительным всплеском инфляции (сокращение импорта позволит сохранить ограниченный профицит торгового и платежного баланса), но развития не будет из-за отсутствия как институциональных условий, так и мотива. То есть после периода турбулентности начинается неизбежная стагнация, подобная той, что в 2016–2019 годах предшествовала нынешнему кризису. Иначе говоря, я исхожу из нетрадиционного взгляда, согласно которому цена на нефть не будет иметь определяющего значения для развития российской экономики, влияя лишь на уровень жизни населения.

В заключение отмечу еще одно обстоятельство. Если по итогам текущего года западным экономикам удастся выйти из V-образной рецессии, это будет означать фактический конец периода, который начался в 1997–1998 годах и ознаменовался применением развивающимися экономикami стратегии нако-

пления валютных резервов. Окажется, что государства, способные бесконечно увеличить денежное предложение по близким к нулю ставкам, могут за несколько недель сгенерировать суммы, превышающие валютные резервы всех развивающихся стран — от Китая и Малайзии до Саудовской Аравии и России. Это будет означать появление у Запада своего рода «финансовой ядерной бомбы» на фоне прочих стран, готовящихся «воевать» на «танках» и «пропеллерных самолетах». Собственно, на мой взгляд, не V- или L-образная кривая деловой активности, а именно то, окажутся ли ведущие страны способны безболезненно (без сложностей обслуживания внешнего долга, высокой инфляции, банковских кризисов и т.д.) вернуться к нормальному развитию своих экономик после столь массивного вброса ликвидности, станет самым важным результатом и самым поучительным уроком неспокойного 2020 года.

Константин Сонин,

профессор Чикагского университета и НИУ ВШЭ

«РОССИЙСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО КРИЗИС ЗАСТАЛ ВРАСПЛОХ, И ПЕРВАЯ РЕАКЦИЯ БЫЛА ЗАМЕДЛЕННОЙ»

Полностью масштабы экономического кризиса, вызванного пандемией COVID-19 и теми ограничениями экономической деятельности, которые потребовались для борьбы с коронавирусом, пока оценить трудно. Наиболее вероятным сценарием экономических последствий эпидемии представляется снижение темпов роста мирового ВВП до 0% или даже небольшой спад. В США спад составит 10–15% во втором квартале и 2–3% по итогам года. В России спад по итогам года будет больше — 4–5%. Основной удар в мире придется по сервису, туризму и развлечениям, а в России пострадает в первую очередь малый бизнес.

Основными «дополнительными» факторами развития кризиса мне кажутся политические. Недостаточная помощь гражданам по ходу кризиса может привести к социальным возмущениям. Слишком агрессивный контроль над ценами может привести к дефициту. Неадекватно ранний выход из карантина может привести к появлению «второй волны». Пока помощь гражданам в масштабе 10–15% от ВВП выглядит адекватным ответом.

Российское правительство кризис застало врасплох, и первая реакция была замедленной. До самого конца марта не было осознания остроты медицинской проблемы и, как следствие, не было осознания масштабов экономического кризиса. Это тем более удивительно, что один из главных «индикаторов благополучия» российской экономики, мировая цена на нефть, указывала на надвигающийся кризис еще в начале марта. Возможно, ложная атрибуция падения цен на нефть, вызванного не срывом сделки ОПЕК+, а мировым экономическим кризисом, внесла вклад в недооценку сигнала.

Если говорить о механизмах поддержки российской экономики, то денежная политика должна ставить своей целью обеспечение стабильности банковской системы. В частности, нет смысла снижать ключевую ставку, если единственным результатом этого станет бегство капитала и падение курса рубля. Специфика нынешнего кризиса состоит в том, что правительство не будет стараться, как в случае других кризисов, стимулировать совокупный спрос. Остановка экономической деятельности кроме самой существенной — это цель предпринимаемых мер. Приоритетная задача на «острую фазу» кризиса (период, пока экономическая деятельность сдерживается карантином) — поддержание уровня жизни граждан.

Разумная мера в этой ситуации — выплатить каждому гражданину единовременное пособие, например 10 тыс. рублей в течение апреля – мая и потом по 10 тыс. рублей летом и осенью. В текущих условиях — это самый лучший способ таргетировать наименее социально защищенных россиян. Осенью это поддержит совокупный спрос, который страдает от падения цен на нефть и доходов граждан, и облегчит восстановительный рост. Цена вопроса вполне реалистична. 10 тыс. рублей каждому россиянину — это примерно 1–1,5 трлн рублей, или \$15–20 млрд. Такие деньги есть в ФНБ. 17 трлн рублей, находящиеся в разного рода «зачачках» российского правительства, — это деньги, предназначенные на «черный день». Если не тратить их сейчас, когда он наступил, не надо было их откладывать в «тучные» годы.

Основной задачей на 2020 год для правительства должно быть предотвращение гуманитарного и, как следствие, социального кризиса. Важно поддерживать потребление наименее защищенных граждан на период карантина. Если эта задача будет успешно решена, то будет восстановительный рост уже во второй половине 2020 года — тем более, что с выходом крупнейших мировых экономик из карантина и кризиса цены на нефть начнут расти и достигнут как минимум уровня \$40–50. Однако задачу запуска устойчивого роста ни кризис, ни ответ на него не облегчат — о ней нужно будет думать после начала восстановления.

**КОРОНАКРИЗИС — 2020: ЧТО БУДЕТ И ЧТО ДЕЛАТЬ?
СЦЕНАРИИ РАЗВИТИЯ И МЕРЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ**

ПОД РЕДАКЦИЕЙ КИРИЛЛА РОГОВА

Ответственный за выпуск — Михаил Ледовский

Дизайн — Мария Ратинова

Верстка — Ксения Бибо

Подготовлено к использованию 20.04.2020

Фонд «Либеральная миссия»

101000, Москва, ул. Мясницкая, 20

Тел.: (495) 621 33 13, 623 40 56

Факс: (495) 623 28 58

Фонд «Либеральная Миссия» был создан в феврале 2000 года, чтобы содействовать развитию либеральной идеологии и обоснованию либеральной политической платформы, соответствующих сегодняшней России. Основная задача Фонда – распространение универсальных либеральных ценностей свободной рыночной экономики, свободы личности и свободы слова как основ существования гражданского общества и правового государства. Для этого Фонд инициирует публичные дискуссии, где вырабатываются условия конструктивного диалога различных направлений либерализма и их идеологических оппонентов. Другое направление деятельности Фонда – издательская программа, призванная познакомить широкий круг читателей с достижениями либеральной мысли и прикладными исследованиями перспектив либеральных преобразований в современной России.